

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

М. А. ЦЯВЛОВСКИЙ

ИЗ ЗАПИСЕЙ П. И. БАРТЕНЕВА

(О Пушкине и гр. Е. К. Воронцовой)*

На листе синей почтовой бумаги рукой П. И. Бартечева записано:

«Перстень-талисман подарила Пушкину княгиня Е. К. Воронцова. После его смерти перстень взял себе Жуковский и был с ним в Англии в 1838. Там была тогда же и Воронцова. Она тотчас узнала свой подарок на руке Жуковского, и тот сказал ей, что он снял его с мертвой руки Пушкина.

Кн. Вяземская уверена, что в летние месяцы в Белой Церкви действовал Раевский, а в Одессе — Пушкин. Он ей рассказывал про свои ночные с нею свидания. Против ожидания она вернулась к себе [где ее жд(ал)] не одна, а с мужем, Пушкин, которому назначено было прийти, успел залезть под диван. Чтобы она знала об его присутствии, он из-под дивана, незаметно для мужа, потянул ее за ногу»¹.

Вся эта запись сделана Бартечевым со слов кн. Веры Федоровны Вяземской (1790—1886).

Во время заграничного путешествия с наследником Александром Николаевичем, Жуковский был в Англии с 21 апреля /3 мая по 18/ 30 мая 1839 г.² В дневнике Жуковского за это время имеется ряд записей о встречах в Лондоне с Е. К. Воронцовой. Так, например, под 22 апреля/4 мая записано: «К Воронцову <...> чрезвычайная нежность графини Воронцовой». В это время жила в Лондоне и В. Ф. Вяземская, с которой общался Жуковский, о чем также имеются записи в его дневнике (под 21, 28, 30 апреля и 6 мая ст. ст.³). Вероятно, свой разговор с Воронцовой Жуковский в Лондоне же передал Вяземской, которая рассказала об этом Бартечеву (первая часть его записи) добавив кстати и слышанное ею от Пушкина об его отношениях с Воронцовой.

Сообщение о том, что «волшебница» стихотворения «Талисман», «вручившая» перстень поэту, была Е. К. Воронцова, в печати появилось впервые в 1880 г. в «Каталоге Пушкинской выставки, устроенной Комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым». Здесь (на стр. 33) сказано: «Перстень Пушкина с печатью, подаренной ему в Одессе княгинею Елисаветою Ксавьеровною Воронцовой (ум. в 1880 г.)⁴ и считавшийся талисманом. По поводу его написано стихотворение „Талисман“...». Строки эти сопровождаемы ссылкой на «письменное удостоверение И. С. Тургенева», точный текст которого не приведен.

Через четыре года было опубликовано свидетельство об этом П. А. Вяземского. Среди его дневниковых записей во время пребывания в Англии в 1838 г. под 19 октября описан вечер у гр. Брюса, на котором присутствовала сестра Воронцова, Елизавета Семеновна (1783—1856), бывшая с 1808 г. замужем за гр. Георгом Августом Пемброком (1759—1827).

«Сегодня Herbert <сын Пемброка>, — записал Вяземский, — пел „Талисман“, вывезенный сюда и на английские буквы переложенный леиди Гейтсбюри. Он и не знал, что поет про волшебницу тетку, которую сюда на днях ожидают с мужем...»⁵.

* Эта неопубликованная работа из оставшегося литературного наследия выдающегося советского ученого-пушкиниста Мстислава Александровича Цявловского подготовлена к печати Т. Г. Ця в л о в с к о й.

¹ Рукописный отдел Гос. Литературного музея — ныне: Центральный Государственный архив литературы и искусства (Москва), ф. № 46 П. И. Бартечева, оп. № 1, ед. хр. 9, л. 7. В 1845 г. муж Е. К. Воронцовой был возведен в княжеское достоинство. — Т. Д.

² А не в 1838 г., как ошибочно указала Вяземская, или неверно записал Бартечев.

³ Дневники В. А. Жуковского. С прим. И. А. Бычкова. СПб., 1903, стр. 487—496.

⁴ Е. К. Воронцова умерла 15 апреля 1880 г.; ценз. разр. каталога — 29 октября этого года.

⁵ Полн. собр. соч. кн. П. А. Вяземского, т. IX, СПб., 1884, стр. 186.

Первая часть публикуемой записи рассказа Вяземской интересна и значительна тем, что подтверждает свидетельство Вяземского «показанием» самой дарительницы талисмана, Воронцовой. Неизвестно, знал ли Жуковский историю происхождения талисмана до того, как ему рассказала это Воронцова, но, во всяком случае, теперь ясно, что вышеупомянутый сертификат перстня-талисмана, написанный И. С. Тургеневым, сделан со слов сына Жуковского, знавшего об этом по семейным преданиям: «Перстень этот был подарен Пушкину в Одессе княгиней Воронцовой. Он носил почти постоянно этот перстень (по поводу которого написал свое стихотворение „Талисман“) и подарил его на смертном одре поэту Жуковскому. От Жуковского перстень перешел к его сыну Павлу Васильевичу, который подарил его мне. Париж. Август, 1880. Иван Тургенев»⁶. После смерти Тургенева перстень принадлежал Полине Виардо, которая принесла его в дар 29 апреля 1887 г. Пушкинскому музею Александровского лицея⁷. Отсюда перстень был украден, но кража эта была скрыта администрацией, и был сделан очень неудачно перстень, который выдавался за подлинный⁸. Эта копия в 1917 г. тоже была украдена из музея.

Вторая часть записи рассказа Вяземской, при всей ее краткости, имеет несомненно большое биографическое значение.

С В. Ф. Вяземской Пушкин был в самом тесном общении в последние недели своего пребывания в Одессе и был с нею откровенен, как, вероятно, ни с кем в это время.

Запись Бартенева, в сущности, не является такой уж неожиданной. Ее нужно сопоставить с тем, что мы находим в переписке Я. К. Грота с П. А. Плетневым за февраль — март 1846 г. 20 февраля Плетнев писал Гроту: «Чай пил у князя Вяземского, где были гр. Мих. Вьельгорский и Полетика (...). Княгиня рассказывала мне некоторые подробности о пребывании А. Пушкина в Одессе и его сношениях с женой нынешнего князя В — а (т. е. Воронцова), что я только подозревал». На жадные вопросы Грота Плетнев ответил: «Рассказ Вяземской касается отношений Пушкина к В — вой (Одесской). Расскажу здесь (т. е. *при свидании*)»⁹. Эта реплика Плетнева не оставляет никаких сомнений относительно содержания рассказа Вяземской. Конечно, она рассказывала Плетневу то же, но, вероятно, с большими подробностями, чем потом с ее слов записал Бартенев. Надо думать, больше Плетнева и Бартенева знал об этом С. А. Соболевский, так отсутствовавший Бартенева, когда последний собирался ехать в Одессу работать в архиве Воронцовых: «Купайтесь в Черном и черных морях и расспрашивайте княгиню, как она жила с Пушкиным»¹⁰. Последовать совету Соболевского Бартенев не решился, о чем свидетельствует его внук: «По моей вине, рассказывал мне дедушка, утеряны письма Пушкина к княгине Воронцовой; я мог бы их выпросить, но так боялся выразить на лице своем смущение, что даже не упоминал о Пушкине, а княгиня свободно говорила и о нем, и о Раевском»¹¹.

Надо думать, что Петр Юрьевич передал неточно слова деда о письмах Пушкина. Вот что записал сам Петр Иванович об этом: «По окончании фельдмаршала Воронцова (ум. 1856, 6-го ноября) его вдова, подобно многим другим вдовам, принялась разбирать его переписку, долго этим занималась и производила уничтожения. Тут же она разбирала и собственные свои бумаги. Пошлась небольшая связка с письмами Пушкина и княгиня их истребила; но домоправитель ее (впоследствии и секретарь) Григорий Иванович Тумачевский¹², помогавший ей в разборе бумаг, помнит в одном пушкинском письме выражение: *Que fait votre lourdaud de mari?* <Что делает ваш солдафон супруг?> В глубокой старости княгиня Елисавета Ксаверьевна восхищалась сочинениями Пушкина: ей прочитывали их почти каждый день, и такое чтение продолжалось целые годы. Это сказывала мне и жившая при ней до самой ее кончины (в Одессе в 1880 г.) Ельвина Ланге»¹³.

Только эту записку, опубликованную Бартеневым незадолго до его смерти, и решился он обнародовать из всего, что знал об интимной жизни Воронцовых. Причина этой сдержанности понятна. В 1869 г. Бартеневу было предложено кн. Семеном Михайловичем Воронцовым (1823—1882), единственным сыном кн. М. С. Воронцова, заняться разбором бумаг огромного архива Воронцовых и опубликовать из него то, что найдет нужным Бартенев. В течение двадцати пяти лет (1870—1895) им было опубликовано сорок томов «Архива Воронцовых». Положение Бартенева как историографа семьи Воронцовых, естественно, обязывало его к молчанию в течение долгого времени. А между

⁶ В. Гаевский й. Перстень Пушкина. «Вестник Европы», 1888, № 2, стр. 53 (подлинник в ИРЛИ).

⁷ Там же.

⁸ И. Евдокимов. Украденный перстень Пушкина. «Среди коллекционеров», 1923, № 1—2, стр. 24—26.

⁹ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. II, СПб., 1896, стр. 680, 682, 688, 690, 697.

¹⁰ Петр Бартенев (младший). «Петр Иванович Бартенев». Некролог. «Русский архив», 1912, № 12, стр. 572.

¹¹ Там же.

¹² О Тумачевском см.: «Русский архив», 1912, № 8, стр. 635—636.

¹³ Выдержки из записной книжки издателя «Русского архива». «Русский архив», 1912, № 5, стр. 159.

тем молчание это породило немало «недоумений» среди пушкинистов по вопросу о характере взаимоотношений Пушкина и Воронцовой.

Так, статья М. О. Гершензона «Пушкин и гр. Е. К. Воронцова» дает в корне ложную концепцию этих отношений¹⁴. Для исследователя несомненно лишь одно — Пушкин был влюблен в Воронцову. Он опроверг «первоисточник» «легенды» — свидетельство Ф. Ф. Вигеля и П. И. Кашиста¹⁵ о предательской роли Александра Раевского в отношениях Пушкина с Воронцовыми. Эта «сплетня» «разрушается», по мнению Гершензона, «неопровержимым фактом: отношения между Пушкиным и А. Раевским остались тесно-дружескими и после высылки поэта из Одессы и оставались такими еще много лет. Через три недели после высылки Пушкина Раевский пишет ему письмо, полное простых и искренних уверений в своей привязанности».

С этими утверждениями нельзя согласиться. Характеристика письма Раевского, даваемая Гершензоном, конечно, совершенно неверна. Прав П. К. Губер, утверждавший, что в письме «с первых же строк чувствуется какая-то неловкость, затаянное сознание собственной неправоты, желание загладить ее и вновь восстановить пошатнувшиеся дружеские отношения»¹⁶. Очень выразительны строки: «Если после этого первого письма вы мне не ответите и не дадите своего адреса, я буду продолжать вам писать, надоедать вам до тех пор, пока не заставлю вас ответить мне...»¹⁷ (XIII, 530). Предчувствие не обмануло Раевского: как явствует из письма к Пушкину С. В. Волконского (XIII, 112), Пушкин Раевскому не ответил или, вернее ответил стихотворением «Кюварность», черновой автограф которого помечен 18 октября 1824 г.

Когда твой друг на глас твоих речей
Ответствует язвительным молчаньем;
Когда свою он от руки твоей,
Как от змеи, отдернет с содроганьем;
Как, на тебя взор острый приговздя,
Качает он с презреньем головою,—
Не говори: «Он болен, он дитя,
Он мучится безумною тоскою»;
Не говори: «Неблагодарен он»;
¹⁰ Он слаб и зол, он дружбы недостоин;
Вся жизнь его какой-то тяжкий сон...
Ужель ты прав? Ужели ты спокоен?
Ах, если так, он в прах готов упасть,
Чтоб вымолить у друга примиренье.
Но если ты святую дружбы власть
Употреблял на злобное гоненье;
Но если ты затейливо язвил
Пугливое его воображенье
И гордую забаву находил
²⁰ В его тоске, рыданьях, униженье;
Но если сам презренной клеветы
Ты про него невидимым был эхом;
Но если цепь ему накинул ты
И сонного врагу предал со смехом,
И он прочел в немой душе твоей
Все тайное своим печальным взором —
Тогда ступай, не трать пустых речей —
Ты осужден последним приговором.

Среди первоначальных вариантов к ст. 11 имеется такой:

Нет! совести признай святой закон

Вместо ст. 13 первоначально:

Иль ты ничем пред ним не виноват

Вместо ст. 26 первоначально:

Твои вины орлиным взором

¹⁴ Вошла в его кн.: «Мудрость Пушкина». М., 1919, стр. 185—205. До этого в кн. «Образы прошлого». М., 1912; впервые: «Вестник Европы», 1909, № 2.

¹⁵ Ф. Ф. В и г е л ь. Записки, ч. VI, М., 1892, стр. 171—172; Гр. Петр Кашист. К эпизоду о высылке Пушкина из Одессы в его имение Псковской губернии. «Русская старина», 1899, № 5, стр. 243.

¹⁶ П. К. Г у б а р. Дон-жуанский список Пушкина. Пб., 1923, стр. 131. Такова же оценка письму В. Ф. Садовника в кн. «Дневник А. С. Пушкина», М., 1923, стр. 481. См. еще Г. Ч у л к о в. Жизнь Пушкина, М., 1938, стр. 136.

¹⁷ Подлинник на французском языке.

вслед за тем:

Все тайное орлиным взором

Вместо ст. 27 первоначально:

Тогда не трать ласкательных речей

а затем:

Тогда не трать бессмысленных речей (II, 2, 863).

В последних вариантах нельзя не видеть прямого ответа на письмо Раевского, где есть такие «ласкательные» строки: «Ради бога, дорогой друг, не предавайтесь отчаянию, берегитесь, чтобы оно не ослабило вашего прекрасного дарования, заботьтесь о себе, будьте терпеливы: ваше положение изменится к лучшему. Поймут несправедливость той суровой меры, которую применили к вам. Ваш долг перед самим собой, перед другими, даже перед вашей родиной — не падать духом; не забывайте, что вы — украшение нашей зарождающейся литературы и что временные невзгоды, жертвою которых вы оказались, не могут повредить вашей литературной славе» (XIII, 530).

Наконец, напомню, что в двух перечнях стихотворений, составленных Пушкиным и предназначенных им для помещения в сборник, это стихотворение названо «Измена»¹⁸.

К этой теме «измены друга» в связи с высылкой поэта из Одессы он возвращался еще дважды в своих стихотворениях «Желание славы» (1825 г.), посвященном Воронцову, и «Вновь я посетил...» (1835 г.).

В «Желании славы»:

Я наслаждением весь полон был, я мнил,
Что нет грядущего, что грозный день разлуки
Не придет никогда... И что же? Слезы, муки,
Измены, клевета, всё на главу мою
Обрушилось вдруг... Что я, где я? Стою,
Как путник, молнией постигнутый в пустыне,
И всё передо мной затмилось!...¹⁹

В черновом тексте стихотворения «Вновь я посетил...» эта тема разрабатывалась поэтом в двух местах. Первое:

Здесь погруженный в
Я размышлял о грустных заблужденьях,
Об испытаньях юности моей,
О строгом заслуженном осужденьи,
О [мнимой] дружбе, сердце уязвившей
Мне горькою и ветреной <?> обидой

Среди первоначальных вариантов ст. 4:

О клевете насмешливой
О клевете, мне сердце уязвившей <?>
О клевете, о строгой света
О клевете, о строгом осужденьи (III, 2, 999)

...годы
Промчались — и вы во вне прияли
Усталого пришельца — я еще
Был молод — но уже судьба и страсти
Меня борьбой неравной истомили.
[Я зрел врага в бесстрашном <?> судии,
Изменника в товарище, пожавшем
Мне руку на шру, — всяк предо мной
Казался мне изменник или враг.] (III, 2, 996).

Как перевести на язык прозы все эти обвинения в приведенных стихах, какие конкретные факты «измены», «клеветы», «обиды» разумел Пушкин, мы не знаем. Вигель сообщает, что, «как узнали после через Франка»²⁰, решение Воронцова отправить Пушкина в командировку на борьбу с саранчой было внушено Раевским, что последний, с одной стороны, советовал Пушкину исполнить это приказание, сильнеешим образом

¹⁸ «Рукою Пушкина». Несобранные и неопубликованные тексты. Подготовили к печати и комментировали М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. М.—Л., «Academia», 1935, стр. 238, 239, 240.

¹⁹ Чернового текста этих стихов не сохранилось.

²⁰ Чиновник особых поручений при Воронцове.

возмутившее поэта, с другой, принимал участие в составлении Пушкиным резкого письма к Воронцову²¹. В «Коварности» тяжкие обвинения и «последний приговор» поставлены даже под знаком «если», что свидетельствует о том, что у Пушкина не было неопровержимых доказательств вины перед ним его «друзья», но, конечно, не может быть никаких сомнений, что герой «Коварности» (или «Измены») все тот же «демон» Пушкина, Александр Раевский, и что таким образом все приведенные высказывания самого поэта категорически подтверждают справедливость свидетельств Капниста и Вигеля в их основе.

Взамен будто бы созданной биографами «легенды» о двусмысленном поведении Раевского по отношению к Пушкину, Гершензон дает свое объяснение ревности Воронцова. Опираясь на воспоминания Пущина²² и на «Воображаемый разговор с Александром I», он выдвигает гипотезу о ревности Воронцова не жены, а какой-то неизвестной женщины и решительно отвергает как роман Пушкина с Воронцовой, так и отражение его в творчестве поэта²³.

Все эти утверждения были совершенно неубедительны и в то время, когда они высказывались; теперь же полностью опровергаются публикуемой записью Бартенева.

Статья Гершензона чрезвычайно затемнила вопрос и произвольными интерпретациями документов и неосновательными догадками.

Поэтому считаю не лишним привести все имеющиеся в настоящее время данные о взаимоотношениях Пушкина с Воронцовой, тем более, что и последняя специальная работа на эту тему — обстоятельная статья М. П. Алексеева о Воронцовой (в третьем выпуске сборника Пушкинской комиссии Одесского Дома ученых) устарела²⁴.

Начну с портретов Воронцовой, имеющихся в рукописях Пушкина. Об них писал еще П. В. Анненков, рассказывая об одесской жизни поэта²⁵. Ныне установлено тридцать два портрета Воронцовой за 1823—1829 гг. По числу нарисованных Пушкиным ее портретов она занимает первое место, намного превышающее число портретов всех остальных современников, изображенных поэтом. Многократные зарисовки лица и фигуры Воронцовой на протяжении ряда лет внушены и первым впечатлением от нее и чувством еще неразделенной любви, и жгучими воспоминаниями в Михайловском, с особенной силой овладевавшими поэтом при чтении полученных им писем от любимой женщины, и воспоминаниями, когда поэт «дерзал мысленно ласкать» «образ милый».

Кроме рисунков, черновые тетради Пушкина, имевшего обыкновение отмечать в них значительные события своей интимной жизни аббревиатурными записями, хранят две такие пометы, связанные с Воронцовой.

Первая помета: «8 fev. la nuit 1824— joué avec Sch. et Sin. perdu — soupé chez C. E. V.» то есть 8 февраля 1824 г. ночь играл с Шаховским (или Шварцем) и Синявным, проиграл—ужинал у г(рафини) Е. В(оронцовой)²⁶. Помета эта, можно думать, отмечала какой-то важный эпизод в истории отношений поэта с Воронцовой, но она для него еще comtesse. Вторую помету опубликовал Анненков, писавший: «Получение

²¹ Ф. Ф. В и г е л ь. Записки, ч. VI, стр. 172.— Письмо к Воронцову неизвестно. П. П. Вяземский, вероятно со слов матери, писал об этом: «Глубоко оскорблен был Пушкин предложением принять участие в экспедиции против саранчи. В этом предложении новороссийского генерал-губернатора он увидел злейшую иронию над поэтом-сатириком, принявшие честлюбовного дворянина, и, вероятно, паче всего одурачение Ловеласа, подготовившего свое торжество» (П. П. В я з е м с к и й. Пушкин по документам остафьевского архива и личным воспоминаниям. В кн.: «А. С. Пушкин». II. М., 1885, стр. 27).

²² И. И. П у щ и н. Записки о Пушкине и письма. М.—Л., 1927, стр. 84.

²³ М. О. Г е р ш е н з о н. Мудрость Пушкина, стр. 191—192.— Познакомившись с М. О. Гершензоном в 1913 г., я с ним тесно общался до самой его смерти (20 февраля 1925 г.) преимущественно на почве пушкинианских интересов. Неоднократно во время разговоров мне доводилось слышать полупризнания покойного в ошибочности его концепции отношений Пушкина с Воронцовой, но во время работы Михаила Осиповича над его книгой «Гольфстрем» (1922 г.) он меня удивил, доказывая, как всегда увлеченно, что в стихотворении Пушкина «Прозерпина» изображены взаимоотношения Воронцова, Воронцовой и Пушкина. «Бледный Плутон, мчащийся к нимфам» — это Воронцов («худое, узкое, а потому можно сказать, „бледное“ лицо), едущий к актрисам; Прозерпина, отдающаяся «без порфиры и венца» робкому юноше — это Воронцова, являвшаяся на свидания с Пушкиным как «простая смертная», а не «жена наместника». Словам «без порфиры и венца» придавалось, помню, особенно важное значение в этой интерпретации стихотворения, которая полностью зачеркивала всю разбираемую статью исследователя. Я так опешил, что кажется, ничего не мог сказать.

²⁴ «Пушкин. Статьи и материалы». Одесса, 1927, вып. 3, стр. 34—44.— В позднейших работах о Пушкине после доклада И. А. Новикова 1935 г. (см. о нем далее) правильно отражено отношение поэта к Воронцовой: В. В. В е р е с а е в. Спутники Пушкина. I. М., 1937, стр. 313—317; Б. П. Г о р о д е ц к и й. Лирика Пушкина. М.—Л., 1962, стр. 288—293; Д. Д. Б л а г о й. Творческий путь Пушкина (1826—1830), М., 1967, стр. 493.— Т. II.

²⁵ П. А н н е н к о в. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874, стр. 245.

²⁶ «Рукою Пушкина», стр. 300, где печатка: «W» вместо «V».

письма из Одессы всегда становится событием в его уединенном Михайловском. После XXXII строфы 3-й главы „Онегина“ он делает приписку: „5-го сентября 1824 года — Une l (lettre) de***“²⁷. Сестра поэта, О. С. Павличева, говорила нам, что когда приходило из Одессы письмо с печатью, изукрашенною точно такими же кабалистическими знаками, какие находились и на перстне ее брата — последний заперался в своей комнате, никуда не выходил и никого не принимал к себе. Памятником его благоговейного настроения при таких случаях осталось в его произведениях стихотворение „Сожженное письмо“, от 1825 г. Вот где была настоящая мысль Пушкина²⁸.

Из контекста ясно, что Анненков говорит о письмах Воронцовой, почему прочитанные им в записи инициалы он и обозначил, как тогда было принято (Воронцова была еще жива) тремя звездочками. Так как инициалы после «de» написаны один поверх другого и, кроме того, зачеркнуты, чтение их представляет трудности. В. Е. Якушкин отказался их прочесть. Гершензон читал как одну букву «похожую на R» и толковал запись как помету дню получения письма А. Раевского. П. Е. Щеголев утверждал, что написано было: P. V., т. е. «Princesse Wiasemsky», Т. Г. Зенгер прочла «LV», т. е. как монограмму «Lise Woronzoff», наконец, Б. В. Томашевский прочел «EW», т. е. как монограмму «Elise Woronzoff», пояснив, что написана она как в подписи Е. Воронцовой (VI, 322)²⁹. За то, что помета означает получение письма от Воронцовой, говорит, во-первых, то, что ее инициалы написаны в виде той же монограммы, как и подпись Воронцовой, о чем речь ниже; во-вторых, они зачеркнуты. Роман свой с Воронцовой Пушкин хранил в глубокой тайне и не хотел ее доверить даже своей черновой тетради. Инициалов Вяземской или Раевского он не стал бы зачеркивать, а, в-третьих, самое главное, на той же странице, где сделана помета, нарисовано два портрета Воронцовой, а на следующей — третий.

Приведенное свидетельство сестры Пушкина (жившей с ним в Михайловском около трех первых месяцев ссылки поэта) о получении им писем от Воронцовой настолько авторитетно, что, в сущности, не нуждается ни в каком подтверждении. Но в настоящее время свидетельство это подтверждено документально. Письмо некоей Вибельман из Одессы от 26 декабря 1833 г., находившееся в бумагах Пушкина, бывших в день его смерти в его кабинете, как теперь доказано, написано Воронцовой³⁰. В подписи: E. Wibelman инициалы имени и фамилии написаны в виде монограммы, т. е. буква «W» написана по букве «E». Таким же образом написаны эти инициалы и Пушкиным в вышеприведенной помете, на что и обратил внимание Томашевский.

Письмо это, в котором Воронцова просит Пушкина принять участие в издававшемся в пользу бедных альманахе, начинается словами: «Право, не знаю, должна ли я писать вам и будет ли мое письмо встречено приветливой улыбкой, или тем же скужающим взглядом, каким с первых же слов начинают искать в конце страницы имя навязчивого автора.— Я опасаясь этого проявления чувства любопытства и безразличия, весьма, конечно, понятно, но для меня, признаюсь, мучительного по той простой причине, что никто не может отнестись к себе беспристрастно».

Воронцова пишет об Одессе: «...город, в котором вы жили, и который благодаря вашему имени войдет в историю». Кончается письмо такими строками: «Теперь, когда столько лиц обращаются к нашим литературным светилам с призывом обогатить наш „Подарок бедным“, могу ли я не напомнить Вам о наших прежних дружеских отношениях, воспоминание о которых Вы, может быть, еще сохранили, и не попросить вас в память этого о поддержке и покровительстве, которые мог бы оказать ваш выдающийся талант нашей „Подбирательнице колосьев“.— Будьте же добры не слишком досадовать на меня, и, если мне необходимо выступать в защиту своего дела, прошу вас, в оправдание моей назойливости и возврата к прошлому принять во внимание, что воспоминания — это богатство старости, и что ваша старинная знакомая придает большую цену этому богатству».

В письме имеется приписка, в которой Воронцова просит прислать ответ через Смирдина на имя А. П. Зонтаг и затем прибавляет: «Пользуюсь случаем сообщить вам, что мои поиски рукописи графа Ивана Потоцкого оказались безуспешными. Вы конечно, понимаете, милостивый государь, что я обратилась к первоисточнику. У его родных нет ее; возможно, что, так как граф Иван Потоцкий окончил жизнь одиноком, в деревне, рукописи его были по небрежности утеряны» (XV, 320—321; подлинник по франц.).

Впоследствии ответное письмо Пушкина Воронцовой было обнаружено в Государственном архиве в Кракове, в рукописном фонде гр. Потоцких. Приводим его текст и переводе с французского оригинала:

«Графиня,

Вот несколько сцен из трагедии, которую я имел намерение написать. Я хотел бы положить к вашим ногам что-либо менее несовершенное; к несчастью, я уже распоря-

²⁷ Помета эта находится в тетради Пушкина № 2370, (ныне ПД, № 835), л. 11 об.

²⁸ П. Анненков. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху, стр. 282—283.

²⁹ См. «историю вопроса» в моем примечании к помете в сб. «Рукою Пушкина», стр. 301—302, где неверно сказано, что помета впервые напечатана Якушкиным.

³⁰ Е. В. Чернов в А. К истории переписки Пушкина с Е. К. Воронцовой. В кн. «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», 2, М.—Л., 1936, стр. 336—339.

дился всеми моими рукописями и предпочитаю лучше осрамиться перед публикой, чем ослушаться Ваших приказаний.

Осмелюсь ли, графиня, сказать Вам о том мгновении счастья, которое я испытал, получив Ваше письмо, при одной мысли, что Вы не совсем забыли самого преданного из Ваших рабов?

Честь имею быть с глубочайшим почтением, графиня, Вашим нижайшим и покорнейшим слугой

Александр Пушкин

5 марта 1834.
Петербург»³¹

По очень убедительной гипотезе М. П. Алексеева, Пушкин послал Воронцовой для печати сцены из «Русалки»³² — *Т. Ц.*

Все признания, и особенно начальные слова, письма Воронцовой свидетельствуют о том, что переписка Пушкина с ней сравнительно давно уже прекратилась. Этому точно бы противоречит сообщение Воронцовой в приписке о том, как она разыскивала рукописи романа Потоцкого. Но Пушкин должен был видаться с Воронцовой в Петербурге в августе 1832 г.³³, когда и мог говорить с ней об интересовавшем его романе.

Письмо Воронцовой красноречиво свидетельствует о том, какой она была горячей поклонницей гения Пушкина. После его смерти, когда Уваров старался, чтобы как можно меньше писали в прессе о скончавшемся поэте, секретарь Воронцова М. П. Щербинин сообщил 12 февраля редактору «Одесского вестника» А. Г. Тройницкому: «Статья, сегодня помещенная в „Journal d'Odessa“ по случаю смерти Пушкина, принята была всеми, а в особенности графиней Воронцовой, с восхищением. Так как вероятно она же, т. е. статья сия, будет помещена и в „Одесском вестнике“, то я спешу повергнуть пред вами мысль, родившуюся у графини Елисаветы Ксавьеровны, т. е. что большая часть стихотворений Пушкина созданы были в Одессе, во время его здесь пребывания. Мысль сия достойна быть обработанною. Впрочем, бог знает, что скажут в Петербурге»³⁴.

И письмо Воронцовой к Пушкину, и эта записка Щербинина заставляют вспомнить свидетельство Бартенева о том, как «Воронцова до конца своей долгой жизни сохраняла о Пушкине теплое воспоминание и ежедневно читала его сочинения. Когда зрение совсем ей изменило, она приказывала читать их себе вслух, и притом сподряд, так что когда кончались все томы, чтение возобновлялось с первого тома. Она сама была одарена тонким художественным чувством и не могла забыть очарований пушкинской беседы. С ним соединялись для нее воспоминания молодости»³⁵.

³¹ П у ш к и н. Полн. собр. соч. Справочный том. Дополнения и исправления. Указатели. М.—Л., Изд. АН СССР, 1959, стр. 71—72.

³² М. П. А л е к с е в. Новое письмо Пушкина. «Изв. АН СССР. Отд. лит. и языка», 1956, т. XV, в. 3, стр. 251.

³³ В письме ко второму мужу от 18 августа 1849 г. Н. Н. Ланская рассказывает о своей встрече с Воронцовой, которая вспоминала о том, как она познакомилась с Натальей Николаевной семнадцать лет тому назад (М. Д. Б е л я е в. Наталья Николаевна Пушкина в портретах и отзывах современников. Л., 1930, стр. 68). Воронцовы приехали из Англии в Петербург 4 августа 1832 г. (см. неопубликованное письмо Е. К. Воронцовой к А. М. Горчакову от 10 августа 1832 г. (ЦГАОР, ф. 828) и автобиография М. С. Воронцова в «Архиве кн. Воронцовых», кн. 37, стр. 97). Выехала отсюда в Москву Воронцова 21 августа (см. письмо К. Я. Булгакова к брату от 22 августа, «Русский архив», 1904, № 1, стр. 81).

³⁴ «Русская старина», 1887, № 4, стр. 160 (здесь же перепеч. статьи из «Journal d'Odessa» и «Одесского вестника»).

В тексте записки, опубликованном в «Русской старине», слово «большая» напечатано с произвольным ударением «большая», почему Лернер и заметил, что записка Щербинина «доказывает плохое знакомство графини с произведениями Пушкина» («Пушкин и его современники», вып. VII, стр. 78). См. текст записки, напечатанный в «Русском архиве», 1894, № 4, стр. 573.

³⁵ П. И. Б а р т е н е в. К биографии Пушкина. «Русский архив», 1884, № 5, стр. 189; перепеч. в кн.: «А. С. Пушкин», II, М., 1885, стр. 98.— Через десять лет Бартенев повторил: «Княгиня Е. К. Воронцова одарена была художественным чувством. На девятом десятке лет своих она еще читала Пушкина и восхищалась им». «Русский архив», 1894, № 4, стр. 573. Когда П. А. Ефремов с присущей ему грубостью заметил по поводу этих показаний, что «Бартенев рассказывает и еще сказку, будто графиня до конца жизни ежедневно читала, а потом приказывала себе читать произведения Пушкина» (П у ш к и н. Сочинения. Под ред. Ефремова, т. VIII, СПб., 1905, стр. 217), Бартенев ответил: «Работая в Одессе, в архиве кн. С. М. Воронцова, я лично знал его мать кн. Елисавету Ксавьеровну (ум. 1880) и часто с нею беседовал о старине и о Пушкине, сочинения которого были ежедневным ее чтением (поутру псалтырь, серед дня Пушкин) и это, по словам жившей у нее в доме Ельвины Ланге, в течение многих лет сряду» («Русский архив», 1905, № 7, обложка). В четвертый раз об этом писал Бартенев в своей заметке в «Русском архиве», 1908, № 10, стр. 295 и, наконец, в пятый — в вышеприведенной записи в «Записной книжке издателя Русского архива». «Русский архив», 1912, № 5, стр. 159.

Эти строки — заключительные в первой публикации Бартевым имевшихся у него сведений о Пушкине и Воронцовой³⁶. Им предшествует такой рассказ о Пушкине в последние дни пребывания его в Одессе после получения приказа о высылке в Михайловское: «Наказание поразило всех своею строгостью и для самого Пушкина было неожиданным. Князя Воронцова в то время не было в Одессе (он объезжал свой край). Пушкин сделался сам не свой. Он пропал целыми днями. Жившая в то время в Одессе добрая его знакомая³⁷ спрашивает его: “Что вас не видно? Где вы были?” — “На окраях: трое суток сряду шли и кутили”. Тем не менее, хоть и реже прежнего, он появлялся на даче Рено, у княгини Воронцовой...».

В другой своей публикации Бартев сообщил еще одну подробность со слов Вяземской: «Когда решена была его высылка из Одессы, он прибежал впопыхах с дачи Воронцовых, весь растерянный, без шляпы и перчаток, так что за ними посылали человека от княгини Вяземской»³⁸.

Приехав в Одессу 7 июня 1824 г., Вяземская сначала поселилась в городе, а затем 27 июня переехала на хутор в дом какого-то грека, по соседству с дачами Гурьевых, Р. С. Эдлинг и Воронцовых³⁹. И в городе и на хуторе Пушкин бывал у Вяземской почти каждый день. В опубликованных письмах ее к мужу сообщениям о Пушкине отведено немало места, но, рассказывая довольно подробно о своих общениях с ним, княгиня очень сдержанно, только намеками, говорит об отношениях Пушкина с Воронцовой. Так, в письме от 27 июня сообщает, что «он очень занят и особенно очень влюблен, чтобы заниматься чем-нибудь, кроме своего „Онегина“⁴⁰; 15 июля: «для развлечения у меня будет несколько романов, итальянский спектакль и Пушкин, который скучает гораздо более меня: три женщины, в которых он был влюблен, недавно уехали⁴¹. Что вы скажете? Это в вашем роде. К счастью, одна из них возвращается на днях; я предсказываю ему, что вы часто будете соперниками»; 18 июля: «Вообрази, что до сих пор у меня нет ни малейшего намерения кокетничать даже в мыслях: единственный мужчина, которого я вижу, это Пушкин, который влюблен в другую (est amoureux autre part)»; 25—27 июля: «Лев Нарышкин приехал вчера. Его жена приезжает сегодня с графиней Воронцовой, они остаются лишь восемь дней и уезжают за границу. Графиня Воронцова вернется с мужем из Белой Церкви к концу августа <...> графиня Воронцова и Ольга Нарышкина вернулись два дня тому назад, мы теперь постоянно вместе и уже гораздо дружнее»; 27 июля: «С тех пор как Ольга Нарышкина, ее муж и графиня Воронцова вернулись, мы неразлучны и мое праздничное существование возобновилось: они очень внимательны ко мне, я каждый день у них обедаю и ужинаю, потому что они пробудут здесь пять или шесть дней и так как мы живем бок-о-бок»⁴².

На даче Рено у жившей здесь Воронцовой и у поселившейся рядом Вяземской и проводил все время Пушкин в последние дни своего пребывания в Одессе.

Завязавшиеся между Вяземской и Воронцовой дружеские отношения объясняют участие их в возникшем у Пушкина плане бегства из России, о чем, естественно, умолчала в своих письмах к мужу Вяземская, и о чем мы узнаем из письма Воронцова к А. Я. Булгакову от 24 декабря 1824 г. и письма последнего к брату от 12 июня 1825 г. О Вяземской Воронцов писал: «Мы считаем, так сказать, неприличными ее затем поддерживать попытки бегства, задуманные этим сумасшедшим и шалопаем Пушкиным, когда получился приказ отправить его в Псков»⁴³. Булгаков пояснил: «Воронцов желал, чтобы сношения с Вяземской прекратились у графини: он очень сердит на них обеих, особенно на княгиню, за Пушкина, шалуна-поэта, да и поделом. Вяземская хотела поддерживать его бегство из Одессы, искала для него денег и способы отправить его морем. Разве это не бессмыслица?»⁴⁴

³⁶ За три года до этого, публикуя в «Русском архиве» письмо А. Раевского к Пушкину, Бартев писал: «Современники рассказывают, что к Раевскому относится и стихотворение „Ангел“... „Дух отрицанья, дух сомненья / На духа светлого взирал“. „Ангел нежный“ был тоже лицом действительным: обворожительная женщина, обыкновенно державшая книгу свою прелестную головку, как она изображена на многих портретах. „В дверях Эдема ангел нежный / Главой поникшее сияло“ («Русский архив», 1881, кн. 1, стр. 163). — Курьезно, что скрывая в приведенных словах имя Воронцовой, Бартев в этой же книге «Русского архива» в тексте французского письма Пушкина к неизвестной напечатал «m-me Wor. dans les 8 postures de l'Arétin», а в именном указателе раскрыл полностью: «Воронцова княгиня Елисавет. Ксавер», «Русский архив», 1881, кн. 1, стр. 230 и 455. На самом деле «m-de Wor.» в рукописи не читается.

³⁷ Разумеется Вяземская.

³⁸ П. Бартев. Из рассказов кн. П. А. и княгини В. Ф. Вяземских (Записано в разное время, с позволения обоих.), «Русский архив», 1888, № 7, стр. 306.

³⁹ «Остафьевский архив кн. Вяземских», т. V, в. 2, СПб., 1913, стр. 114, 136.

⁴⁰ Там же, стр. 112.

⁴¹ Воронцова с мужем уехала морем из Одессы в Крым 14 июня (см. письмо Вяземской мужу от 13 июня. — Там же, стр. 102).

⁴² Там же, стр. 125, 126, 134—136.

⁴³ А. Л. Вейсберг. Граф М. С. Воронцов о Пушкине. В кн. «Московский пушкинист», II, М., 1930, стр. 56, подлинник по-французски.

⁴⁴ «Русский архив», 1901, № 6, стр. 187 (часть текста подлинника по-французски).

Ни одно из многочисленных увлечений Пушкина (если не считать его юношеской «первой любви» к Бакуниной) не оказалось столь плодотворным для его поэзии, как роман с Воронцовой. К «воронцовскому» циклу стихотворений относятся черновые наброски «Кораблю» («Морей, красавец окриленный...») (предположительно 14 июня 1824 г.), «Приют любви, он вечно полн...» (конец мая — 15 июня), первая редакция стихотворения «К морю» (вторая половина июля); стихотворение «Храни меня, мой талисман...» (август 1824 (?) — июнь (?) 1825), «Младенцу» («Дитя, не смею над тобой...», 2—8 октября 1824), «Ненастный день потух...» (предположительно сентябрь — ноябрь), «Пускай увенчанный любовью красоты...» (предположительно сентябрь — декабрь), «Сожженное письмо» (первая половина марта 1825 г.), «Желание славы» (январь—15 мая этого же года), «В пещере тайной, в день гоненья...» (1825), «Талисман» (6 ноября 1827 г.) и «Прощание» («В последний раз твой образ милый...», 5 октября 1830 г.).

Из перечисленных стихотворений и набросков необходимо остановиться на трех: «Ненастный день потух...», «Приют любви, он вечно полн...» и «Младенцу».

В стихотворении «Ненастный день потух...», изобразив осенний пейзаж Михайловского, поэт писал:

Все мрачную тоску на душу мне наводит.
Далеко, там, луна в сиянии восходит;
Там воздух напоен вечерней теплотой;
Там море движется роскошной пеленой
 Под голубыми небесами...
Вот время: по горе теперь идет она
К брегам, потопленным шумящими волнами;
 Там, под заветными скалами,
Теперь она сидит, печальна и одна...

«Некоторые комментаторы, — писал Щеголев, — относили эти стихи к Ризнич, но это неверно, потому что Ризнич в это время была в Италии, в стране, в которой не было для Пушкина заветных скал. Речь идет, конечно, об Одессе, и под скалами тут нужно понимать не скалы гор, а скалы гротов»⁴⁵.

Против этого весьма категорично возражал Гершензон: «„Ненастный день потух“, написанное осенью, вероятно 1824 г., рисует пейзаж несомненно не одесский, а крымский: ни один человек, видавший одесское взморье, не усумнится в этом, ибо там нет ни „гор“, ни „брегов, потопленных шумящими волнами“ и, конечно, не вид с дачи Рено рисуют эти строки:

Там море движется роскошной пеленой
 Под голубыми небесами...»

Просто непонятно, как можно было написать такие странные вещи. Как же нет на даче Рено, расположенной близ берега моря, этого берега и этого моря? Что касается «гор», упомянутых Гершензоном, то их нет в стихотворении Пушкина — в нем есть «гора» и «скалы», т. е. то, что мы находим в современных Пушкину описаниях дачи Рено.

Мы располагаем несколькими описаниями местности, в которой был расположен хутор Рено с дачей Воронцовых. Еще когда ее строил разбогатевший французский торговец, на хуторе побывал кн. И. М. Долгоруков, рассказывающий в своем сочинении «Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года», как он, катаясь на шлюпке, высадился во время бури и дождя и шел по «узенькой тропинке вдоль горного хребта, природой тут поставленного для ограждения бездны», затем попал в камыши и, погрязая в глине, выбрался наконец к хутору Рено⁴⁶.

Следующее описание находим в статье П. Морозова: «Лучший из одесских хуторов есть хутор коммерции советника Рено, находящийся в 5-ти верстах от города. Высокий берег, как стена, окружает сию прекрасную дачу, служа преградой ветрам, почти непрестанно дующим в Херсонской губернии <...>. Сквозь ветви, ограничивающие эту панораму, синее открытое море, где извилистый ряд прибрежных скал дробит испанские волны <...>. Рено удачно воспользовался скалами, обнимающими его владение. Посреди сих скал устроена купальня; она имеет вид большой раковины, приставшей к утесам»⁴⁷.

Наконец, в «Путешествии» Н. С. Всеволожского даче Рено посвящены такие строки: дача «очень живописна: это прекрасный домик в долине, на берегу моря, заслоненный крутыми берегами»⁴⁸.

⁴⁵ П. Е. Щеголев. Амалия Ризнич в поэзии А. С. Пушкина. В кн.: «Из жизни и творчества Пушкина», М.—Л., 1931, стр. 262.

⁴⁶ Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских, М., 1869, апрель — июнь, кн. 2, стр. 66—69.

⁴⁷ П. Морозов. Одесса в 1830 году. «Одесский альманах на 1831 г.», изд. П. Морозовым и М. Розенбергом. Одесса, 1831, стр. 63.

⁴⁸ «Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку... в 1836 и 1837 годах Н. С. Всеволожского», т. I, 1839, стр. 99.

Таким образом мы лишний раз убеждаемся, как точен, как верен действительности поэт в своих произведениях.

Не менее замечателен в этом отношении и набросок:

Приют любви, он вечно полн
Прохлады сумрачной и влажной,
Там никогда стесненных волн
Не умолкает гул протяжный (II, 472).

В черновых вариантах этот «приют любви» назван «уединенной пещерой» «у моря под ветхою скалой», «пещерой дикой», которая «в тени полу-наводнена» (II, 992—993). Это, вероятно, то, о чем писал П. Морозов в 1830 г.: «посреди сих скал устроена купальня; она имеет вид большой раковины, приставшей к утесам».

В заключение скажем о стихотворении «Младенцу». Н. О. Лернер в свое время высказал предположение, что набросок этот относится к четырехлетней дочери Воронцовой Александре: «В трех последних стихах дошедшего до нас наброска, — писал Лернер, — быть может, заключается намек на те клеветнические слухи о Пушкине, которые должна была узнать, ставши взрослой, дочь ненавидевшего поэта графа М. С. Воронцова»⁴⁹. Догадка Лернера несостоятельна. И. А. Новиков на основании чтения наброска в рукописи высказал в докладе «Пушкин в селе Михайловском в 1824—1826 гг.», прочитанном 13 марта 1935 г. в Пушкинской комиссии Академии наук СССР, предположение, что Пушкин в своем незавершенном стихотворении разумел своего ребенка от Воронцовой⁵⁰.

Предположение это мне представляется весьма правдоподобным. Вот текст этого наброска:

м л а д е н ц у⁵¹

Дитя, не смею над тобой
Произносить благословенья.
[Ты] взором [мирною <?> душой],
[Небесный ангел] утешенья.
Да будут ясны дни твои,
Как [милый] взор <твой> <?> ныне ясен.
[Меж] [лу<чших> <?>] жребиев земли
Да [б<удет>] жребий твой прекрасен (II, 351).

Среди первоначальных вариантов было:

Ты равнодушно обо мне
Дитя со временем услышишь

Моей таинственной любви
Я не скажу тебе причины

Прощай дитя моей любви
Я не скажу тебе причины

И клевета неверно ей
Быть может образ мой опишет
О том кто
Она со временем услышит (II, 883—884).

Младенец, над которым поэт «не смеет произносить благословенья», которому он «не скажет причины» своей «таинственной любви» — это ребенок Воронцовой и Пушкина. «Клевета» — это все та же клевета, о которой писал поэт в «Коварности», «Желании славы» и «Вновь я посетил...»

3 апреля 1825 г.⁵² у гр. Е. К. Воронцовой родилась дочь Софья⁵³.

⁴⁹ Собр. соч. Пушкина. Изд. Брокгауз—Ефрон, т. III, СПб., 1909, стр. 556. Лернер раз умел стихи в чтении С. А. Венгерова:

Быть может о судьбе моей
Она со временем услышит...
Клевета черты мои опишет.

⁵⁰ См. еще: Иван Н о в и к о в. Пушкин в Михайловском. Роман. М., 1936, стр. 112—113.

⁵¹ Первоначально было: «Р е б е н к у».

⁵² В. И. Ч е р н о п я т о в. Русский некрополь за границей. Вып. I, М., 1908, стр. 64. Здесь даты: «родилась 3/15 апр. 1825 г., сконч. 15/27 авг. 1879 г.».

⁵³ Светл. кж. Софья Михайловна Воронцова в 1844 г. вышла замуж за гр. Андрея Павловича Шувалова (1817—1876), от которого имела трех сыновей и двух дочерей.